

Когда женщины заговорили о себе

Плавню переходя в японское раннее Средневековье, мы видим, как сведений о жизни женщин-аристократок, рассказанных самими женщинами, становится в разы больше, чем в эпоху Нара или Асука. Нельзя сказать, что в поэтической антологии «Манъёсю» им не давали слова или ими не интересовались: в антологию включены стихотворения императриц, а из песенных обращений к девушкам можно узнать много деталей о японской повседневности и взаимоотношениях полов. Фольклорная традиция тоже оставила нам богатое наследие, и без участия женщин там точно не обошлись ни одна легенда, ни одно предание. Но в литературной традиции дальше стихотворений и песен, созданных по специальному случаю, дело явно не заходило, пока на стыке IX и X веков японцы не завершили процесс создания собственной слоговой азбуки — *кана*. Поиск более удобной для японского языка письменности начался еще с записи мифологического свода «Кодзики», продолжился в «Нихонги», претерпел значительные изменения в «Манъёсю» и вполне естественным путем завершился идеей создания двух силлабических азбук: *хираганы* и *катаканы*. Давайте посмотрим, как это событие способствовало интеллектуальному раскрепощению женщин в эпоху Хэйан.

Нам — обществу с неиероглифической письменностью — сложно понять, как упрощение азбуки может настолько привлечь женщин к словотворчеству, что они прославят целую

эпоху на века. А все дело в том, что владение китайской системой письма и образование в целом долгое время были привилегией одних лишь мужчин (речь идет о придворных чиновниках и аристократах). Китайский язык, литература, исторические и философские трактаты и научные достижения Китая — все это было доступно лишь образованным мужчинам. И в последующих веках гендерное разделение будет довольно четко просматриваться в том, на каком языке писать, что читать, какие картины рассматривать разрешалось женщинам. Это позже из личного дневника придворной писательницы Мурасаки Сикибу мы узнаем, как она во время частных домашних уроков своих братьев подслушивала и подглядывала — так и выучилась и иероглифам, и остальным китайским премудростям. Сэй-Сёнагон, другая талантливая писательница и придворная дама, современница Мурасаки Сикибу, была по-мужски образованной, из-за чего среди других дам считалась неприятной особой, но зато была интересна мужчинам и пользовалась у них популярностью.

Слоговая азбука хирагана возникла благодаря упрощению витиеватой скорописи. Она отличалась от катаканы округлостью и изяществом знаков и постепенно стала считаться «женским письмом». Теперь творческие порывы женщин могли найти письменное выражение. Мужчины пользовались катаканой. Созданная на основе элементов уставных иероглифов, она отличается простотой, угловатостью, удобна для быстрой записи, экономит место на бумаге и поэтому прочно и надолго вошла в арсенал мужчин-чиновников и монахов-переписчиков, транскрибировавших китайские сутры.

Но не будем думать, что после разделения азбук на «М» и «Ж» ни мужчины, ни женщины не пытались воспользоваться запретными знаками. В IX веке был создан «Дневник путешествия из Тоса» («Тоса никки»), он написан от лица

Мурасаки Сикибу за письменным столом

Утагава Хиросигэ, ок. 1847–1848 гг.

женщины и, вероятно, исключительно на хирагане. Автор дневника пожелал сохранить анонимность, но несколько веков спустя его личность была установлена — это оказался известный в IX веке придворный поэт, каллиграф, литературный критик, составитель придворных поэтических сборников Ки-но Цураюки. Этому любознательному мужчине удалось убедить всех своих современников, что раз произведение писалось на хирагане, то и автор, несомненно, женщина! То же можно сказать и о хэйанских прозаических произведениях жанра моногатари: написаны они на хирагане вперемежку с иероглифами, часто их авторы неизвестны, но это точно не женщины! Иначе говоря, не все было так же строго для мужчин, как для женщин, которым приходилось соблюдать правила приличия, чтобы не оттолкнуть от себя окружение.

Изобретение хираганы стало настоящим подарком для женской части хэйанской аристократии. Учитывая то, что знатные женщины большую часть времени проводили дома и чаще всего были свободны, сочинительство стало для них отдушиной и по-настоящему любимым делом, которому многие отдались целиком.

Мужчины, служившие при дворе, были обязаны вести личный дневник на китайском языке, куда они могли записывать как действительно уникальные наблюдения за жизнью во дворце и за его пределами, так и совершенно пустяковые заметки о своем распорядке дня. Наконец-то и у женщин появилась возможность вести личные дневники, но делали они это с осторожностью, потому что заметки всегда могли выкрасть и прочитать. Иногда, правда, мелькали и откровенные записи, но многие дамы, опасаясь быть узнанными, избегали описывать суровую действительность и доверять сокровенное бумаге.

О чем же можно узнать из записей и литературных произведений придворных дам и известных аристократок IX–XI веков? Мы видим их личные переживания по поводу возлюбленных, их любовную переписку, описание быта, придворных ритуалов, самих многочисленных придворных — мужчин и женщин высокого и низкого происхождения, досуга и паломничеств к буддийским святыням. Кроме того, благодаря женскому литературному наследию мы наконец-то можем представить, как выглядели женщины хэйанской эпохи, что для них считалось красивым и утонченным, а что, наоборот, уродливым и неприятным.

По сложившейся традиции знакомство с миром хэйанской женщины начинается с критериев красоты и описаний внешности, на которые не скупилась такие выдающиеся писательницы, как Мурасаки Сикибу, Сэй-Сёнагон, Идзumi Сикибу, Митицуна-но хаха...

Какой он, язык описания женской внешности в литературе эпохи Хэйан?

Идеалы красоты эпохи Хэйан стали понемногу меняться уже к IX веку, когда Япония и в политическом, и в культурном отношении начала отходить от китайского влияния. Не станем вдаваться в детали, почему произошло отдаление в сферах внешней политики и дипломатии, но в культурном плане японцы испытали некоторую растерянность. Проблема заключалась в том, что до определенного момента они успели заимствовать практически все основные достижения материковой культуры. Китай с его колоссальным наследием во всех областях был образцово-показательным государством для всей Юго-Восточной Азии, государств Корейского полуострова и Японии, но и сама Япония обладала собственной культурной базой и потенциалом, а со временем

Игра в сугороку

Фрагмент свитка к «Повести о Гэндзи», 1594 г.

Хэйанские дамы за изготовлением кукол

Кубо Сюнман, 1790-е гг.

сформировались и художественный вкус, принципы эстетики, понимание, что близко японцам, а что — чуждо. Переломным временем стал как раз IX век, когда Япония прекратила внешние сношения с Китаем и перестала отправлять туда молодежь на учебу, сохраняя при этом торговые связи. Это время уединения и изоляции от потока внешних культурных влияний было необходимо японскому обществу (речь идет только об узкой прослойке аристократов), чтобы пересмотреть заимствованное, перебрать и рассортировать на нужное и близкое — то, что может пригодиться в оригинальном или японизированном виде, — и на совсем чуждое

Бэндзайтэн на белом драконе

Аойгаока Кэйсэй, 1832 г.

и не вызывающее никаких симпатий — то, что можно предать забвению или отложить до лучших времен.

Японский гений по перевоплощению, адаптации чужеродного элемента под свои нужды, видение и вкусы пробудился особенно ярко, как можно это увидеть, уже в хэйанскую эпоху.

Иллюстрированный свиток к роману Мурасаки Сикибу «Гэндзи моногатари эмаки» рисует нам молодых женщин и мужчин. Красавицы с набеленными лицами и пухлыми щечками кажутся нам совсем юными, почти детьми. Тут невозможно определить возраст: все лица и фигуры одинаково молоды и спокойны. Подобный прием рождает у читателя

Деревянная скульптура бодхисаттвы Каннон

Эпоха Хэйан

ощущение «кавай», той милой воздушности и наивности, свойственной молодости. Округлые, грушеподобные лица, маленький пухлый ротик, нос-крючок, короткие щели глаз — красавицы лишены индивидуальности, эмоций, но все одинаково свежи и милы.

Мы видим, как китайский идеал красоты образца танской эпохи был удивительным образом дополнен японским видением: хэйанцы заимствовали много элементов танского типа, но добавили к нему и канон буддийской женской скульптуры,

как на изображении бодхисаттв Бэндзайтэн (богиня богатства, музыки, красноречия и воды) и Китидзётэн (богиня удачи).

Пластика лиц напоминает пластику буддийской скульптуры, в том числе и бодхисаттвы Авалокитешвары (в японской традиции — Каннон), который изображается в женском облике, с округлым, слегка полноватым лицом, небольшим ртом, часто с не полностью открытыми глазами.

Некоторые критерии красоты могут даже напугать неподготовленного читателя, но всему есть свое объяснение, и, безусловно, рассматривая японскую культуру, которая массово подвергалась европейскому влиянию начиная с конца XIX века, мы также должны принять во внимание ее своеобразное развитие в многовековой изоляции.

Одним из необычных для западного читателя повседневных ритуалов красоты можно считать чернение зубов *о-хагуро*. Этот обычай берет свое начало с периода Кофун (III–VI вв.): в курганах встречаются черепа с окрашенными черной краской зубами, а также ритуальные глиняные фигурки *ханива*, которые изображали свиту знатного человека и сопровождали его на тот свет. Одна из причин, по которой укоренилась мода на черные зубы, заключается в том, что угольно-черный цвет на протяжении сотен лет считался красивым. Подобно тому как современные люди специально отбеливают зубы из-за сложившегося идеала белоснежной улыбки, японцы в те давние времена чернили свои зубы. Зубной черный краситель — это жидкость, представляющая собой железо, растворенное в уксусе, и называемая железным сиропом *канэмидзу*. Сначала на зубы наносили ее, а затем — танин, извлеченный из овощей и чая. В прошлом мальчики и девочки в возрасте около пятнадцати лет выполняли чернение зубов в основном как ритуал инициации, но к концу эпохи Хэйан оно распространилось во всех возрастных группах.

Красавица

Гион Сэйтоку, ок. XVIII в.

Еще один ритуал «красоты» — обычай сбривания бровей *хикимаю*. В эпоху Нара на их месте рисовали дугообразные тонкие линии, но в эпоху Хэйан их заменили короткие широкие полосы, которые визуально удлинняли лицо согласно новой моде. Обычай был распространен и среди мужчин и шел в «наборе» с чернением зубов. Такой макияж могли себе позволить только аристократы.

Хэйанская повесть «Цуцуми тюнагон моногатари» сохранила для нас историю «Любительница гусениц». В ней рассказывается об одной юной особе, которая души не чаяла в разных насекомых, собирала их и любила подолгу рассматривать. Больше всех ей нравились волосатые гусеницы, и, возможно, из желания уподобиться им она оставляла брови на лице, отказываясь сбривать их. Кроме того, она наотрез отказывалась чернить зубы, пугая своим видом окружающих:

Ямауба с Кинтаро за чернением зубов

Китагава Утамаро, ок. 1795 г.

«Химэгими полагала, что все неестественное в человеке достойно осуждения, и потому не выщипывала себе бровей и не чернила зубов, утверждая: “Хлопотное это дело и противное”. А посему, когда денно и ночью забавлялась она со своими насекомыми, на лице ее играла белозубая улыбка»²⁷.

Героиня повести — весьма эксцентричная особа — противопоставляется идеалу красоты девушки, но сам автор к ней благосклонен и допускает мысль, что отход от общепринятых правил не такое уж дурное дело:

«И тогда из-за занавесок появилась сама Химэгими. Она стала разглядывать ветки, глаза ее были широко раскрыты. Голова замотана какой-то тряпкой, красивые волосы спутаны — она не успела привести себя в порядок. Брови — черные

и густые — были весьма хороши. Ротик — прелестный и очаровательный, но белые зубы оставляли престранное впечатление. Шутники с сожалением решили, что она выглядела бы вполне достойно, если бы употребляла белила. Однако, несмотря на неопрятность, в девушке было что-то особенное, весьма изящное и запоминающееся. На Химэгими была короткая накидка с росписью из сверчков, из-под которой выглядывал край желтого узорчатого шелка. Белые шаровары дополняли ее наряд»²⁸.

Сценка с подглядыванием за девушками из «Повести о Гэндзи»

Школа Таварая Сотацу, ок. XVII в.

И все же лицо играло второстепенную роль, в том числе и потому, что женщины скрывали его за веерами, переносными занавесями, ширмами. Единственное, что было видно окружающим, — это волосы и со вкусом и по сезону подобранный наряд. Гладкие волосы, разделенные на пробор и длинные настолько, что спускались до самой земли, считались признаком идеала женской красоты. Увидев только их, мужчина уже мог делать выводы о красоте женщины и смело

влюбляться. Отрастить волосы было непросто, так что у тех, кому не хватало своих, в ходу были парики. Пряди возле лица принято было прореживать, выщипывая лишние волоски.

Концы длинных гладких волос могли виднеться из-под ширмы или из-за занавеса кареты — и увидеть их считалось среди мужчин большой удачей. Точно так же женщины старались продемонстрировать рукав — ухоженные волосы и красивые шелковые одежды давали общее представление о красоте девушки и ее культурном уровне.

Для изучения идеала хэйанской женской красоты недостаточно ограничиться лицом, следует подробнее остановиться и на фигуре, положении тела и рук, наклоне головы, полноте или худобе тела; степень наготы также способна рассказать о многом.

В силу специфики своей гастрономической культуры японцы как нация представляются нам худощавыми, стройными. И действительно, сбалансированное питание с VIII века без запрещенных в буддизме мясо-молочных продуктов (хотя этот запрет был не повсеместным и изначально не слишком строгим) сформировало тот тип фигуры, с которым мы привыкли ассоциировать японцев. Именно по этой причине любое отклонение от нормы в сторону чрезмерной полноты вызывало насмешки, изумление и даже отвращение окружающих. И в наши дни японкам с полной фигурой приходится непросто, они находятся под давлением общества, терпят злые насмешки и травлю. Впрочем, излишняя худоба и костлявость тоже считались неприятными и некрасивыми.

Необычным аспектом отношения японцев хэйанской эпохи к телесности было их восприятие наготы. Точнее, именно в хэйанскую эпоху этот аспект был зафиксирован в женской литературе, но возник, вероятно, гораздо раньше. Ясно одно: японцы никогда не любовались обнаженным женским телом так, как это было принято в европейской культуре. Полная

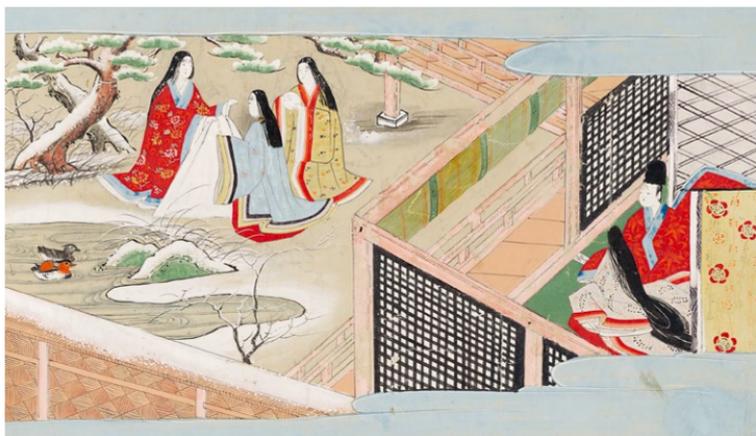

Портрет хэйанской поэтессы Оно-но Комати

Торики Кийэнага, ок. 1790 г.

нагота вызывала стыд, ужас и омерзение. Кутаться в многослойные одежды, которые полностью прикрывали тело и конечности, кроме самых кончиков пальцев, было принято и у мужчин, и у женщин высокого происхождения. Более короткие рукава или платья были атрибутом простолюдинок и слуг, которым позволялось носить одежду самого простого кроя, удобную в работе.

Представление о человеке основывалось не столько на чертах лица и глазах, сколько на одежде, аксессуарах и причёске, служивших маркером пола, возраста, социального статуса.

Сценка из иллюстрированного свитка к «Повести о Гэндзи»

1594 г.

Ведь недаром инициация девочек включала в себя смену детской прически на взрослую (распущенные волосы с пробором посередине) и возможность носить юбку-шлейф — *мо*.

В произведениях, созданных хэйанскими аристократками, можно заметить огромный интерес к одеждам и деталям, а также колоссальное значение, придаваемое всей этой «оболочке». Смена сезонов, эстетический вкус, начитанность и эрудиция, будни или праздники — всю эту информацию и заключал в себе сложный костюм того времени. Хэйанская история о Золушке в «Повести о прекрасной Отикубо» служит отличной иллюстрацией к теме представлений о женской красоте в те давние времена:

Отец залюбовался ею. Как она расцвела за эти годы — настоящая красавица! На ней были одежды из белоснежного узорчатого шелка, а поверх них — еще одна, переливчатая, цвета индиго с пурпуром. Чем больше отец смотрел на свою дочь, тем яснее видел, что она превосходит красотой и прелестью всех своих сестер <...>²⁹.

* * *

Поглядев на Отикубо, свекровь решила, что она ничуть не уступает в красоте ни ее собственным дочерям, ни принцессам-внучкам. На ней было легкое летнее платье из пурпурного шелка, затканного узорами, а поверх него — другое, окрашенное соком алых и синих цветов, и еще одна парадная одежда из тончайшего крепа цвета индиго и густого багрянца. Как прелестна была Отикубо в своем смущении! Она выглядела совсем еще юной, почти ребенком. На вид ей можно было дать лет двенадцать, не больше. В ее красоте было что-то трогательное, детски милое³⁰.

* * *

В доме находилось не менее двадцати молодых и прекрасных собою прислужниц. Пять или шесть женщин были одеты особенно роскошно: на каждой — по две одежды из блестящего белого шелка, длинные шлейфы, окрашенные соком красных и синих цветов, пурпурные хакама... На других были алые хакама и затканые узорами одежды, одно поверх другого, длинные шлейфы из светлопурпурного зернистого крепа или узорчатого шелка... Все эти роскошно разряженные красавицы...³¹

Первые свидания и жизнь в браке

Может возникнуть вполне справедливый вопрос: как же можно было увидеть хэйанских красавиц поближе, пообщаться с ними, пофлиртовать и в дальнейшем пригласить на свидание? К сожалению, из-за весьма уединенного и закрытого образа жизни аристократок юношам приходилось пускаться на всевозможные хитрости. Нередко на выручку и мужчинам, и девушкам приходили их личные слуги и помощники, которые могли быть как весьма юными, так и зрелыми и опытными в любовных и житейских делах.

Именно они становились посредниками между молодыми людьми, но, прежде чем начать отношения, юноше нужно было хоть как-то понять, насколько красива и талантлива его избранница. Чаще всего он уже был наслышан о ее красоте или прекрасной игре на музыкальном инструменте, но желал убедиться в этом воочию.

Подглядывание за объектом любви

Фрагмент свитка к «Повести о Гэндзи», 1594 г.

Приходилось переодеваться в одежду слуги или подолгу сидеть в засаде возле тростниковой ограды у дома объекта своего вожделения. Ни о чем не подозревавшая девушка разгуливала по дому и саду без вееров и переносных занавесей, могла весело переговариваться с домочадцами или прислужницей, музицировать или напевать песенку. Вот тут и надо было смотреть в оба! В случае удачи, если подглядывавший уходил незамеченным, наутро он подсылал к дому девушки своего слугу или верного друга с изящным стихотворением — пятистишием танка. Эта стихотворная форма достигает особого расцвета среди хэйанской аристократии

благодаря метафоричному языку и становится способом общения возлюбленных на многие века. Для большего эффекта подбиралась тонкая дорогостоящая бумага, от стихотворения требовалось совершенство каллиграфической формы и содержания.

Так и начинались ухаживания... Получив такое послание с намеком на желание познакомиться, девушка не могла оставить его без ответа. Если она была слишком юной и неопытной, то переписку брала на себя ее взрослая воспитательница. Обмен стихотворными посланиями мог продлиться долго, в зависимости от того, сколько молодых людей вели одновременно переписку с одной и той же девицей. В таком случае она могла медлить, выбирать, а то и отказывать излишне напористым или недостаточно талантливым в любовной лирике.

Следующим шагом в переписке становилась просьба-намеком со стороны мужчины позволить ему ночные посещения для более близкого знакомства. Если девушка давала свое согласие, то предварительно оставляла калитку и раздвижную дверь в свою комнату открытыми.

В назначенный вечер с наступлением темноты мужчина прокрадывался к девушке — так и происходили их первая встреча и общение с дальнейшим, более тесным, знакомством. Полнолуние помогало лучше разглядеть друг друга и убранство комнаты, но литература зафиксировала случаи ночных визитов как раз в кромешной темноте. Часто это было связано с желанием мужчины скрыть неказистую внешность или кое-что похуже. Например, у слишком долгой переписки был возможен и неблагоприятный сценарий: прознав о том, что в таком-то доме живет красавица и некто похаживает к ней, коварный злоумышленник (видимо, не пользовавшийся особой популярностью среди женщин или человек низкого происхождения) мог перехватить переписку, а то и раздеть догола бедолагу, выбросить в канаву, переодеться в его наряд

Сценка из иллюстрированного свитка к «Повести из Исэ»

Таварая Сотацу, 1634 г.

и под видом возлюбленного явиться к девушке на свидание. О ужас, если луна освещала его лицо во время или после любовной связи! Это был огромный позор для девицы, поэтому она предпочитала пережить его молча, а судя по частоте таких случаев, перехват переписки с последующим посещением чужих дам был распространенной практикой в те времена.

Изнасилования также были большой бедой в японском обществе и тех лет, и последующих: задержавшиеся допоздна вне своего дома женщины нередко становились жертвами нападений. Улицы не освещались, темных укромных уголков

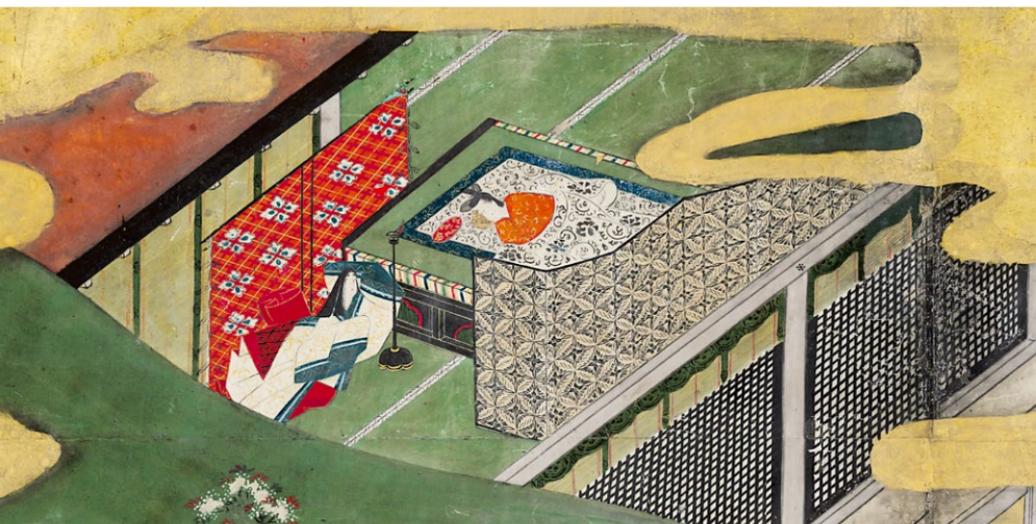
было много, а кричать и звать на помощь японка не осмелилась бы. Желание обладать женским телом со стороны мужчины считалось естественным, чего нельзя сказать о сопротивлении женщины. В мире мужчин имелись свои правила, и женщины, понимая свою слабость, вынуждены были подчиняться и терпеть.

Но лучше вернемся к более счастливому сценарию, когда встреча происходила по взаимному согласию. По правилам, если мужчина не собирался сразу же вступать в брачный союз с возлюбленной, он должен был успеть покинуть любовное ложе до рассвета — «пока не выпала роса».

Девушкам, судя по оставленным записям в личных дневниках, такой поспешный уход мужчины давался нелегко. Свои переживания, грусть и томление оба выражали в стихотворениях, которые писались сразу же после разлуки и отсылались через слуг. Отсутствие или задержка такого послания могли означать многое: что-то пошло не так, или девушка не оправдала надежд, или с мужчиной в пути произошла неприятность.

Как вам уже известно, в те далекие времена опытность женщин в любовных делах имела особое значение, поэтому чем больше девушка имела любовников и новых воздыхателей, тем выше она ценилась.

С приходом к фактической власти клана Фудзивара в хэйанском аристократическом обществе X века стал популярен метод, к которому прибегали властные мужчины этого рода: мечтая породниться с императором, они стремились выдать за него своих дочерей, а те, в свою очередь, рожать сыновей — будущих императоров. В это же время счастливый дедушка, занимавший самый высокий пост в государстве, смещал неугодного зятя с трона, возводил на него маленького внука, а себя провозглашал регентом при малыше, ведь младенец или семилетний мальчик еще не научился управлять

**Иллюстрация к 49-й главе романа Мурасаки Сикибу
«Повесть о Гэндзи»**

Школа Таварая Сотэцу, XVII в.

государством. Эта дальновидная практика клана Фудзивара вскоре распространилась на всех аристократов, которые мечтали возвыситься, получить более высокие назначения и должности в правительстве. Они также стали буквально спекулировать своими дочерьми, пристраивая их на придворную службу или выдавая замуж за нужных чиновников. Дитя женского пола становилось самым долгожданным и желанным ребенком в каждом аристократическом семействе. Девочек баловали, холили и лелеяли, давали им надлежащее «женское» домашнее образование: обучали каллиграфии, японской поэзии, музицированию. Этим «женские» знания и ограничивались, остальные навыки и умения девочка получала от окружающих ее женщин: кормилицы, сестер, подружек, взрослых наставниц — или во время службы в свите при императорском дворе.

Житейский и любовный опыт был важнее семейной жизни, но определенная часть девушек мечтала о тихом семейном счастье. Зная об этих желаниях, родители могли подыграть дочери во время очередного визита ее возлюбленного. Стоило ему промедлить и упустить наступление рассвета, как родители с криками врывались в спальню, показывая всем видом, что застукали любовника дочери и теперь ему не сбежать. Сконфуженному новоиспеченному зятю некуда было деваться, и радостные родители сразу же выносили загодя подготовленные подносы со свадебными угощениями, ритуальное саке и совершали обряд бракосочетания. Обряд был довольно нехитрым: вместо привычных в наши дни колец тогда обменивались чашечками с саке. Закуска представляла собой несколько блюд с особым благожелательным значением, что выражалось и в ингредиентах, и в цвете угощений.

После взаимного одаривания и небольшого семейного празднования новоиспеченный муж мог посещать жену открыто и оставаться до утра, а не пробираться сквозь заросли.

Нужно сказать, что в те времена право наследства имела только дочь — она получала родительский дом и могла жить там постоянно, принимая мужа и воспитывая совместно с бабушкой и дедушкой внуков. Это давало женщинам бóльшую независимость, но при этом мужья в те времена были ненадежными партнерами по жизни. В эпоху Хэйан институт брака переживал только пору становления, поэтому среди аристократов были возможны разные варианты: визитный брак, когда муж мог иметь от одной до нескольких жен, а также любовниц; брак с совместным проживанием в отдельном жилище, специально построенном для семьи. Визитная форма брака *цумадои* особенно популяризировалась — такой брак можно было легко прервать,

если муж подолгу не навещал свою жену. По прошествии определенного времени супруга понимала, что он больше к ней не вернется, и, если ей позволяли возраст и внешние данные, начинала принимать ухаживания другого мужчины в надежде стать его женой³².

Нам сложно представить себе истинную картину такого брака, на самом деле все обстояло не так просто, как может показаться на первый взгляд: долгое отсутствие мужа, его безразличие и измены становились источником невыносимых душевных переживаний для жены. Добрая половина «Дневника эфемерной жизни» авторства поэтессы и первой столичной красавицы Митицуна-но хаха повествует как раз о душевных муках в подобной жизненной ситуации. Митицуна-но хаха была второй женой успешного придворного чиновника по имени Фудзивара-но Канэиэ, который, однако, оказался довольно ветреным человеком и быстро охладел и к главной жене, и ко второй, и даже к наложнице. Время от времени он возвращался то ко второй жене, автору «Дневника», то к главной своей супруге. Для мужчины знатного происхождения такое поведение было обыденным и допустимым, но женщина неизменно испытывала чувство ревности и неловкости перед своими родителями и соседями. Канэиэ мог солгать, придумав причину своего отсутствия, но Митицуна-но хаха наладила переписку с главной женой, и «Дневник» содержит остроумные стихотворные послания двух покинутых женщин одного мужа:

...Я слышала, что он также прекратил посещения старшей госпожи. Бывало, что мы с нею прежде обменивались посланиями, поэтому в третий или четвертый день пятой луны я написала ей:

*Широколистый рис,
Как сказывают, сжали*

*Даже там, у Вас.
Так на каком болоте
Пускает корни он?**

Ее ответ:

*Да, сажали
Рис широколистый,
И на болоте где-то корни он пустил.
Но я считала
То болото Вашим!³³*

Незавидной была судьба девушек-сирот, которые при жизни родителей не успели выйти замуж. По нескольким историям из литературы в жанре сэцува можно составить представление о том, какой тяжелой была жизнь одиноких несамостоятельных девушек. Они могли остаться без какого-либо дохода, так как в те времена оплачивался только труд мужчины-чиновника или придворной дамы. Отчий дом со временем приходил в негодность, ветшал и рушился, содержать слуг было не на что, и те обычно покидали хозяев в поисках другой работы. Замужество становилось единственным выходом из сложившейся тяжелой ситуации. Безусловно, мы всегда помним об определенной литературной традиции, свойственной жанру сэцува и хэйанской прозе в целом, — переплетение сна и яви, легенды и реальности, — но почему бы не поверить на слово некоторым хэйанским историям?

В «Дневнике эфемерной жизни» также содержится небольшое описание того, как обветшало жилище автора записок, супруги известного придворного, который все реже и реже

---

* Здесь и далее перевод В. Н. Горегляда.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

